

Софья Чуйкина

Дональд Рейли. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. Перевод с английского Тамары Эйдельман. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с. ISBN 978-5-4448-0271-7.

Софья Чуйкина, департамент славистики, Университет Париж 8. Адрес для переписки: Université Paris VIII Vincennes – Saint-Denis, Département d'études slaves, 2 Rue de la Liberté, Saint-Denis, CEDEX 02, 93526, France. sofia.tchouikina@gmail.com.

Книга Дональда Рейли рассказывает о том, как советские люди 1950-го года рождения воспринимают свою жизнь в СССР и в постперестроечной России. В период между 2001 и 2008 годами Рейли провел шестьдесят глубинных интервью с выпускниками 1967 года двух спецшкол с углубленным изучением английского языка в Москве и Саратове. Автор использует «поколенческий подход для изучения социальных изменений» и «ищет связи между биографиями и историей», чтобы через отдельные истории жизни «понять постепенное разрушение системы». «Как история Вашей жизни может помочь понять участь Советского Союза?», – спрашивал он информантов (с. 23–30). Конструирование объекта исследования автору удалось: среди выпускников двух школьных классов представлены разнообразные гендерные и социально-профессиональные траектории – от ученых до сотрудников КГБ, от удачно эмигрировавших до несчастливо спившихся. Всем им дан голос и все они вносят свой вклад в создание целостной картины поколения, вынесшего на своих плечах рыночные реформы. Не хватает, пожалуй, лишь контрольной группы из выпускников обычной советской школы.

Автор считает интервьюируемых соавторами книги. С их согласия он называет их имена и прилагает их краткие биографии. И хотя соблюсти пари соавторства в устной истории всегда сложно, Рейли удается найти манеру письма, которая делает книгу диалогичной. Ровесник интервьюируемых, он пунктирно, но с чувством сообщает информацию о себе и об Америке своей юности, вспоминая, что тогда ели, что носили, какие фильмы шли по телевидению и в кино... Американские реминисценции удачно дополняют советские воспоминания. В детстве юный католик Рейли «провел сотни часов на коленях, молясь за обращение коммунистических атеистов к Богу» (с. 13). Ощущение советской угрозы вызвало в результате интерес к тому, как жили его ровесники в СССР во время Холодной войны.

Книга вносит вклад в малоисследованную область – воспроизводство элит в СССР через систему школьного образования. Рейли подробно объясняет, как поступали в эти заведения, которые в шутку называли «школы для детей одаренных родителей» (с. 117). Собеседования, вступительный экзамен по иностранному языку и подготовка с репетиторами обуславливали особый социальный состав учеников. В первой главе описываются детские годы тех, кто пошел учиться в эти школы, и в рассказах о детстве вырисовывается социально-профессиональный статус родителей. Среди них – выдвиженцы, которые смогли занять высокие социальные позиции; евреи, получившие высшее образование; потомки дворян и дру-

гих дореволюционных образованных групп, успешно реконвертировавшиеся в советских специалистов. Таким образом, элитные классы 1960-х годов представляли собой уже результат послереволюционной социальной мобильности.

Понятие «хорошей школы» неформально существовало в городах и в сталинские годы (Holmes 2009), но после хрущевских реформ школьного образования открытие «спецшкол» стало официальным (Coumel 2014; Tcherednitchenko 1993). Это институционально закрепило сложившееся за предыдущий период социальное неравенство и дало ему новый импульс. Такие школы были в своих городах «легендарными» и более девяноста процентов выпускников в дальнейшем поступали в вузы.

В своих предыдущих работах Рейли интересовался «локальным измерением советской власти» (Raleigh 1986, 2001). Обсуждаемая книга ценна тем, что в ней присутствует сравнение между московской школой и саратовской, а также, в целом, между биографиями москвичей и саратовцев. Саратов в изучаемый период являлся закрытым городом, и этой закрытостью были обусловлены различия между жизнью и бытом одной и той же статусной группы в двух городах. Например, москвичи уже с 1950-х годов ездили в командировки за границу, и рассказы родителей о поездках оказали влияние на мировоззрение интервьюируемых. В Саратове же родители информантов не ездили даже в страны соцлагеря, поэтому знакомство с границей началось для них значительно позже – в юности и взрослом возрасте. В Москве руководство школы терпимо относилось к стремлению учеников следовать моде. В Саратове тем временем директор школы, у которой дома продолжал висеть портрет Иосифа Сталина, измеряла на входе длину юбок, заставляла девочек показывать ей руки, чтобы искоренить маникюр, запрещала им челки и короткие стрижки, требуя обязательно заплетать косички, а на переменах врвалась в мужской туалет, чтобы пристыдить курильщиков. В Москве школа была оборудована фонетической лабораторией для изучения разговорного английского языка. В Саратове некоторые учителя по собственному почину использовали магнитофоны, но доступа к современному английскому произношению у саратовцев, в отличие от москвичей, не было.

По мнению Рейли, на мировоззрение обсуждаемого поколения в период их взросления значительное влияние оказало два фактора: репрессии в отношении членов их семей, которые затронули практически всех информантов, и хрущевская оттепель, которая привнесла в их жизнь песни «Битлз» и отечественных бардов, а также иностранные сувениры, подогревавшие любопытство. Рейли считает, что привнесенные оттепелью практики – от расшифровки текстов «битлов» с магнитофонных записей до слушания зарубежных радиостанций – сформировали индивидуалистическое мировоззрение, которое вошло в конфликт с советской идеологией. Наличие этого ценностного конфликта привело к тому, что из шестидесяти опрошенных только один серьезно относился к постулатам советской идеологии, остальные же просто были конформистами и вступали в партию из прагматических соображений. Очереди в магазинах, жилищный вопрос, поездки саратовцев за мясом и колбасой в Москву, бюрократические препятствия для поездок в страны соцлагеря – все это провоцировало раздражение и критику систе-

мы. Большая часть опрошенных, вне зависимости от членства в партии, поддержали горбачевские реформы.

Из этой книги мы немало узнаем и о том, как высокообразованные люди интеллигентных профессий пережили перестройку и 1990-е годы. В 1991 году информанты только что разменяли четвертый десяток, и именно они стали основными акторами ельцинской либерализации. Рейли иллюстрирует, как вдохновение от перестройки сменилось негативным отношением к дикому рынку и олигархическому капиталу. Тем не менее, быстрый распад советской системы автор полагает непосредственно связанным с жизненным опытом данного поколения: «Общество “развалилось на кусочки” потому, что бэйби-бумеры все время трансформировали его и оказались готовы к перестройке: те стратегии, которые они осваивали в течение многих лет, приспособившись к “советской жизни”, способствовали распаду системы» (с. 497). Этот тезис Рейли находит развитие в работах социологов и антропологов, написанных на основе полевых исследований и интервью, проведенных в 1990-е годы в крупных городах России (Lonkila 1999; Salmi 2006; Shevchenko 2009). Последние показывают, как образованные представители городского среднего класса применяли в новых условиях советские практики: блат, бартер, межрегиональные связи, семейную взаимопомощь, дружеский обмен услугами, теньевую занятость и т. д.

С концептуальной точки зрения, книга Рейли не открывает новые двери, но, скорее, завершает давно идущие дискуссии о сталинизме, оттепели, застое, *homo soviéticus*, советской интеллигенции. На многие поставленные в книге вопросы историки уже дали ответы, а сами эти вопросы идейно принадлежат к предыдущим десятилетиям. Тем не менее, ценна иллюстрация этих ответов с помощью цитат из многочисленных интервью.

Данная книга также заставляет задуматься о том, как следует переводить иноязычные работы об СССР на русский язык и готовить их к публикации. Хотя перевод, выполненный Тамарой Эйдельман, весьма удачный и книгу интересно читать, по тексту видно, что он не был изначально предназначен для отечественного читателя. К примеру, Рейли своей работой стремится развенчать «западное представление о том, что всех советских людей можно разделить на твердокаменных (или лицемерных) коммунистов и диссидентов» (с. 339). Подобные вопросы для российского читателя малоактуальны. Само понятие бэйби-бумеры, которое он использует применительно к изучаемой когорте, выглядит не совсем подходящим и вырванным из контекста. В то же время, если бы автором подобной книги был российский историк, вряд ли бы удалось настолько подробно описать то, что соотечественнику представляется совершенно очевидным. Хотя подход автора по способу письма и построению аргумента не является антропологическим, ценность этой книги для исторической антропологии СССР не вызывает сомнений.

Наряду с другими работами, применяющими поколенческую оптику к исследованию социальных изменений (Юрчак 2017; Zubok 2009), устная история Рейли дает многогранное представление о перипетиях послевоенного советского общества и его современном наследии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Юрчак, Алексей. 2017. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Coumel, Laurent. 2014. "Rapprocher l'école et la vie?" *Une histoire des réformes de l'enseignement en Russie soviétique (1918–1964)*. Toulouse, France: Presses universitaires du Mirail.
- Holmes, Larry. 2009. *Stalin's School: Moscow's Model School No. 25, 1931–1937*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Lonkila, Markku. 1999. *Social Networks in Post-Soviet Russia: Continuity and Change in the Everyday Live of St. Petersburg Teachers*. Helsinki: Aleksanteri Instituutti; Kikimora Publications.
- Raleigh, Donald. 1986. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Raleigh, Donald. 2001. *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953*. Pittsburgh, PA: Pittsburgh University Press.
- Salmi, Anna-Maria. 2006. *Social Networks and Everyday Practices in Russia*. Helsinki: Aleksanteri Instituutti; Kikimora Publications.
- Shevchenko, Olga. 2009. *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*. Bloomington: Indiana University Press.
- Tcherednitchenko, Galina. 1993. "Un espace réservé: Les écoles spéciales de langues étrangères en Union soviétique." *Actes de la recherche en sciences sociales* 98(3):63–68.
- Zubok, Vladislav. 2009. *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.